

М.А. ЕНГОВАТОВА
(Москва)

Русские лирические песни в системе жанров музыкального фольклора

Серьезное изучение русской лирической песни началось более 120 лет тому назад, когда Николай Михайлович Лопатин и Василий Павлович Прокунин опубликовали известный сборник лирических песен, содержащий обширное исследование¹. В нем они впервые отделили лирические песни от прочих (по их определению — «обрядовых, хороводных и игровых») и заявили их как особой жанр русской песенности. Главное отличие лирических песен Н.М. Лопатин и В.П. Прокунин видели в том, что они поются «всегда и везде», т.е. в их неприуроченности. Это была продуктивная точка зрения, актуальная и по сей день.

Однако сейчас мы знаем, что не все лирические песни поются «всегда и везде», что среди них есть большое число приуроченных к календарным практикам, к похоронному и свадебному обрядам, хороводным гуляниям и т.п. Такие песни в той или иной традиции либо образуют крупные массивы, либо функционируют точечно, в качестве отдельных фольклорных реалий.

Основную функцию лирических песен все исследователи определяют как «лирическую», или, как бы мы сейчас сказали, эмотивную: «выражают душевное состояние поющего»², «выражают эмоциональное отношение к повествуемому»³. Вместе с тем известно, что всякое явление фольклора полифункционально. Однако набор функций, характерный для жанра лирических песен, пока не выявлен. Можно предположить, что их функциональный диапазон очень широк, так как лирика представлена в русской народной культуре многими тематическими циклами поэтических текстов и обилием музыкальных форм. Но огромный корпус лирики на настоящий день строго не структурирован ни музыкантами, ни филологами⁴. О широте функционального диапазона лирических песен свидетельствует и тот факт, что они могут выступать в роли любого жанра традиционной крестьянской культуры:

календарных, свадебных, весенних хороводных песен и даже поминальных стихов⁵.

Связи лирики с другими музыкальными жанрами проявляются не только на функциональном уровне, но и на структурном. Рассмотрение этих взаимосвязей и является задачей статьи. Мы полагаем, что данный ракурс освещения (не опровергающий положения о том, что главная функция лирики определяется ее неприуроченностью, а лишь дополняющий его):

- расширяет представление о функциональном диапазоне лирических песен;
- дает материал для структурирования всего корпуса напевов;
- проливает свет на вопросы генезиса жанра и его исторической жизни.

Выявление межжанровых связей лирических песен осуществляется в определенной системе координат. В ней различаются внутритекстовые (интертекстуальные) и внетекстовые (контекстные) связи. Это — одна пара оппозиций. Другая устанавливается на основе различения взаимосвязей, возникающих внутри конкретной песенной традиции и в широком контексте русской песенности. Эти две пары оппозиций и определяют четыре ракурса освещения вопроса.

Интертекстуальные связи лирических песен в конкретной песенной традиции проявляются прежде всего в типологическом родстве лирических напевов приуроченным. Степень типологического родства всегда выявляет региональную характерность лирики: «местные» напевы имеют прочные связи с обрядовым фольклором. Один из ярчайших феноменов такого рода — сезонно приуроченные лирические песни русского Запада, напевы которых, при всей их индивидуальности, выступают в единой типологии с календарными и свадебными песнями⁶.

Вместе с тем, типологически родственными другим жанрам могут быть не только приуроченные лирические песни. Так, в части переселенческих традиций (например, в Закамье) стилевыми связями объединены весенние хороводные и лирические неприуроченные песни. Типологическое родство с другими жанрами чаще всего выступает на уровне отдельных компонентов формы, как правило, связанных со звуковысотными характеристиками. Так, во многих традициях многоголосный склад местных лирических песен имеет соответствие в других жанрах. Что касается их ладово-мелодического строения, то и оно может объединять лирические песни с другими местными жанрами. Известен ряд традиций, в которых существуют межжанровые ладово-мелодические структуры, распространяющиеся и на лирику. Подобные южнорусские традиции нам знакомы по исследованиям Е.А. Дороховой, Ю.В. Гайсиной⁷ и Н.С. Кузнецовой.

Все перечисленное существенно для типологической систематики лирических песен, ибо только по соотношению их с приуроченными можно судить о стадильном положении напевов, степени их местной характерности, структуре жанра в той или иной традиции.

Рассмотрение интертекстуальных связей лирики в широком контексте русской песенности иногда дает неожиданные результаты. Так, ряд поэтических текстов лирических песен и, отчасти, особенности их ритмической структуры показывают, что среди них есть «распетые» плясовые. Это проявляется в заимствовании текстов плясовых песен, наличии «плясовой» основы в ритмических формах. При этом напевы таких песен — сугубо лирические, им свойствен медленный темп исполнения, распевная мелодика, специфическая интерпретация первоначальной ритмической формы. Еще на одну форму взаимосвязи лирических и плясовых песен в свое время обратил внимание Е.В. Гиппиус, который отмечал, что многие плясовые ритмы (такие как «Камаринская», «Ивушка», «коломыйка») становятся эталонами стихосложения для других традиционных жанров, в том числе и лирических песен. Исследователям севернорусской лирики хорошо известно, насколько большое число лирических текстов сложено по типу «Камаринской», которая в напевах интерпретируется в соответствии с особенностями жанра.

Хочу напомнить еще одно наблюдение Е.В. Гиппиуса, касающееся уже вопроса взаимодействия лирики с плачевой культурой. Евгений Владимирович называл форму лирических песен со словообрывом на третьем от конца слоге и последующим допеванием (например, «Горы Воробьевские») типом «допеваемого плача», проводя сравнение с северными недопеваемыми плачами и связывая с этим явлением один из путей генезиса лирики. В этой связи обращает на себя внимание активная распетость некоторых северных форм групповой причеты, вызывающих аналогии с протяжными напевами.

Исследователей русской лирической песни всегда занимал вопрос о соотношении лирики и эпоса. Чаще всего он обсуждался в историческом ракурсе. Так, известна гипотеза М.П. Штокмара о перерождении эпоса в лирику в определенный период развития русской культуры. Современные исследователи относятся к ней критически. В то же время соотношение лирики и эпоса может быть рассмотрено и в синхронии. При этом основной круг проблем возникает в связи с озвучиванием эпических текстов лирическими напевами, что широко распространено в русской традиции.

Известно, что музыкальный эпос представлен у русских лишь напевами северных старин и части духовных стихов, а баллады, южные казачьи былины, множество духовных стихов поются на напевы лирических песен или на типологически им родственные. В целом это так.

Однако не все здесь до конца ясно. Что касается баллад, напомним, что З.В. Эвальд выделила отдельный интонационный комплекс для белорусского «балладно-новеллистического цикла», тем самым признав его музыкальную самостоятельность⁸. А как обстоит дело с русскими балладами? По существу этот вопрос никогда не исследовался. Нам известно, что Ю.И. Марченко, изучавший этот жанр на западных русских территориях, считает, что и у русских существуют свои балладные напевы, например с диямбической ритмической формой (типа песни про татарский полон). Но какое число балладных текстов они обслуживают, отличаются ли от белорусских и украинских — до сих пор неизвестно.

Аналогична и ситуация с казачьими былинами. Очевидно, что они поются на напевы, типологически родственные лирическим протяжным. Но может быть при этом былины все-таки имеют свои напевы? Этим вопросом также никто пристально не занимался. Известно лишь, что А.Н. Иванов, работающий сейчас над антологией донского музыкального эпоса, выделяет специальные былинные напевы. Однако в чем их принципиальное отличие от напевов лирических песен — пока не ясно. В целом очевидно, что вопрос о соотношении лирики и эпоса в русской традиционной культуре требует серьезного исследования.

Как уже упоминалось, второй круг межжанровых взаимодействий определяется контекстными, функциональными связями лирики. Здесь на первое место выдвигаются проблемы, обусловленные различными формами приуроченности лирических песен. Напомним, что Н.М. Лопатин и В.П. Прокунин различали в них два стилевых пласта — «старинные» песни и «новомодные», т.е. песни традиционного и городского стиля. В 1980-е гг. дополнительно к этому исследователи стали различать два пласта лирических песен внутри традиционного стиля: узкообъемные приуроченные и широкообъемные неприуроченные⁹. Характеристики, отличающие эти две стилевые и функциональные группы, затрагивают практически все компоненты напевов: их амбитус, лад, мелодику, многоголосие, музыкальный ритм, композицию. Приуроченность узкообъемной лирики (в основном к сезонам годового круга) была оценена как первичная в отличие от вторичной, о которой речь пойдет ниже.

Помимо определенных структурных характеристик песни данного пласта, безусловно относящиеся к самым ранним формам лирики, имеют и функциональные признаки, установленные на основе западных русских традиций, а именно:

- всегда представлены в традиции корпусом напевов, а не отдельными образцами;
- приурочены по всему календарному кругу на Западе или к исполнению «на воздухе», «на ходу» во многих других традициях;

• противопоставлены более позднему по стилистике пласту лирики, напевы которой имеют вторичные мелодико-ритмические композиции, развитую внутрислоговую мелодику.

Сезонно приуроченные лирические песни функционально во многом дублируют календарные (маркируют границы календарных сезонов). Но механизм их приуроченности иной: их «притягивание» к тем или иным условиям исполнения происходит на основе текстов, вызывающих определенные ассоциации. Что касается музыкального стиля, то утвердилось мнение об отсутствии в сезонных лирических песнях вторичных композиций, что действительно характерно для западных территорий, на которых они и были выявлены.

Однако под это определение не попадают некоторые северные традиции лирических песен, например бассейна реки Сухоны. Опубликованные ленинградцами напевы¹⁰ звуковысотно действительно соответствуют характеристикам сезонной лирики: они узкообъемны (опираются на терцовые и квартовые лады), переменность ладовых опор выражена в них минимально, но в то же время все напевы имеют сложные вторичные мелодико-ритмические композиции, развитую внутрислоговую мелодику, что не позволяет оценить их как ранне-стадиальный пласт лирики. Вопросы возникают и в отношении их функционирования. Комментарии свидетельствуют о том, что большая часть песен исполняется на воздухе, в движении, но совершенно непонятно, что на Сухоне поют в гулянье, в застольях. Стадиальное положение пласта узкообъемных, но вместе с тем очень распетых северных протяжных песен еще ждет своего осмысления.

Следует заметить, что в севернорусских традициях приуроченность лирических песен встречается довольно часто. Но при этом соотношение стиля приуроченных и неприуроченных песен может быть разным: от полного тождества характеристик (например, на Мезени и Печоре) до полярного контраста, когда приуроченные песни распеты в традиционной манере, а в неприуроченных доминируют черты городского стиля. Не всегда подобные группы песен обладают и функциональной самостоятельностью: в каждом селе набор тех и других может быть очень подвижен. Северные традиции лирической песни — сложный для исследования феномен, его изучение может стать ценным вкладом в теорию жанра.

Другой круг вопросов связан с некоторыми южными песнями (воронежского, белгородского, курского и других регионов), имеющими приуроченность в основном к весеннему и летнему сезонам. Их формы неизвестны в качестве календарных или хороводных, часто содержат внутрислоговую мелодику, тексты — жанрово нейтральны. Как атрибутировать эти образцы? Как приуроченную лирику раннего пласта или как особый, существующий только в данных традициях вид

календарных или хороводных песен? Для ответа на этот вопрос пока не хватает полевых материалов.

Что касается вторичной приуроченности лирики, то с ней связан четвертый ракурс рассмотрения проблемы. Следует заметить, что вторичная приуроченность известна не только в отношении лирических песен. Выступать в качестве произведений другого жанра, оставаясь при этом «самими собой» (т.е. сохраняя все структурные характеристики), могут и плясовые песни (например, в функции свадебных), и хороводные (чаще в роли календарных), и свадебные (на Западе — в роли календарных, на Севере — в функции зимних игровых) и т.д.

Вторичная приуроченность лирики (как правило, небольшой части песен, а иногда и отдельных их образцов) существует практически в любой традиции. В этом случае та или иная типичная лирическая песня (даже с известным по другим традициям напевом) может выступать в качестве календарной (чаще всего масленичной или троицкой), свадебной «прощальной», весенней хороводной и проч. Поводом к их вторичной приуроченности, как и в случае первичной, обычно служит содержание поэтических текстов. Так, известная песня «Веселая беседа» часто выступает в роли троицкой календарной. В селе Завгороднем (русское село на Слободской Украине) она, в соответствии с содержанием текста, вообще делится пополам: первая ее часть становится свадебной, вторая — троицкой¹¹.

Известны и случаи более сложного тематического «подбора» песен под функцию. Так, содержание всех текстов лирических «масленичных» песен в Закамье связано с прощанием, расставанием. Сначала мы были склонны объяснять это с социальных позиций — как актуализацию данной темы перед отъездом мужского населения на отхожие промыслы¹², но думается, что не меньшую, если не большую роль могут играть в этом случае и мифологические представления, отсылающие к пониманию масленицы как конца календарного года.

Одна из распространенных форм вторичной приуроченности лирических песен обусловлена их связью с массовыми хороводами-шестивиями. Такие песни на Оке называют «ходовыми», «троицкими», на Мезени — «ходить в застенки», «ходить в расхожу», на Печоре — «петь в столбах». Характерно, что если в одном селе та или иная песня данного цикла функционирует как приуроченная, в соседнем она может быть неприуроченной. Со стилевой точки зрения такие песни ничем не отличаются от прочей местной лирики. В отношении их со всей очевидностью выступают функциональные и структурные расхождения, противоречия между функцией и структурой, порождающие множество вопросов. Лирические песни вторичной приуроченности не имеют отношения к генезису жанра, но демонстрируют механизм перераспределения функций между разными жанрами в той или иной

традиции, механизм приспособления лирики к условиям того или иного контекста.

Завершая изложенное, отметим, что функциональные и структурные соответствия, возникающие при сравнении лирики с прочими жанрами русского музыкального фольклора, формируют более дифференцированное представление о корпусе лирических песен и высвечивают основную проблематику жанра.

Примечания

¹ *Лопатин Н.М., Прокунин В.П.* Русские народные лирические песни. М., 1889.

² Там же. С. 43.

³ *Земцовский И.И.* Русская протяжная песня. Опыт исследования. Л., 1967. С. 25.

⁴ Что касается филологических исследований, то их авторы обычно объединяют группы текстов лирических песен в определенные тематические циклы. Однако строгая система при этом не просматривается, так как почти каждый автор предлагает свои тематические рубрики.

⁵ Имеется в виду практика исполнения протяжных песен во время похоронного обряда в селах Приангарья.

⁶ Подобная традиция представлена, например, в «Смоленском музыкально-этнографическом сборнике. Т. 3. Сезонно приуроченные лирические песни» (М., 2005).

⁷ *Дорохова Е.А.* Этнокультурные «острова»: пути музыкальной эволюции: Дис. ... канд. иск. М., 2008; *Гайсина Ю.В.* Верхнеокская песенная традиция тульского региона как этномузыкальная система: Дис. ... канд. иск. М., 2008.

⁸ *Эвальд З.В.* Заметки о песенных стилях Белорусского Полесья // Песни Белорусского Полесья. М., 1979. С. 33—41.

⁹ См.: *Енговатова М.А.* Закамские протяжные песни и некоторые вопросы типологии жанра: Дис. ... канд. иск. М., 1988.

¹⁰ Народные песни Вологодской области. Песни средней Сухоны / Сост. А. Мехнецов. Л., 1981.

¹¹ Песни села Завгороднее / Зап., нот., предисл. и коммент. Е.А. Дороховой. М., 1987.

¹² *Енговатова М.А.* Протяжные песни Ульяновского Заволжья. М., 1981.